

Магия чистого звука

Мстиславу Ростроповичу — 70 лет

БЕК. - 1994 - 28 марта - 3 апр. - с. 18.

РЕВЕРАНС

Юрий МАРЬЯМОВ

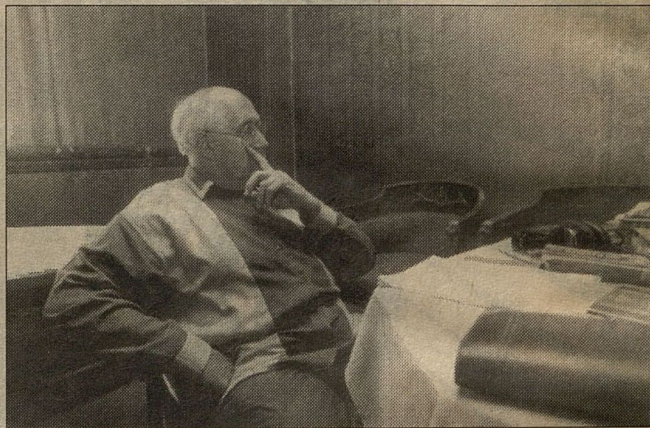
Есть в музыке такой термин — легато (связно, слитно). Это когда одним плавным движением смычка извлекается ровный, будто на едином дыхании, непрерывный звук.

Ростропович проживает свою судьбу на едином дыхании, любые сбои которого не больше, чем движение сюжета жизни, талантливо сочиненного и выстроенного по законам драматургии.

Наличивает в этой жизни и лихо закрученная интрига, и множество коллизий, от которых порой захватывает дух. С любовью, приключениями, странствиями, наветами, триумфом.

Вообще-то у славы (которая одновременно и имя Маэстро) хороший глазомер — ее попадание, как правило, точно. Впрочем, гарантий вечности она не дает: кого-то посетит на мгновение и покинет, с кем-то задержится надолго, а у кого-то останется навсегда. Ростроповича она не покидает.

Советская власть щедро одаривала тех, кого почитала национальной гордостью, и беспощадно карала эту гордость за малейшее непослушание и своеволие. В молодости на Ростроповича прямо-таки сы-

пались все мыслимые звания, награды и премии, но власть не смогла снести фрондерства великого музыканта и лишила его гражданства.

Когда его и Вишневу насилием разлучили с Родиной, сквозь глушилки всех радиолосов из-за бугра слышался знакомый голос, в котором звучали незнакомые ноты: всегда уверенный в себе, он не умел совладать с волнением и растерянностью глубоко уязвленного человека. По-разному использовали свое положение оказавшиеся за рубежом изгнанники. В отличие от многих других Ростроповичу не надо было набирать политические очки, ему хватало всемирной музыкальной известности, он

играл на всех прославленных подмостках и дирижировал, наверное, самыми лучшими оркестрами мира.

Как-то так выходит, что Ростропович всякий раз оказывается в нужное время в нужном месте. Его виолончель звучала у Берлинской стены, у Кремлевской в Москве, у Стены Плача в Иерусалиме — в самых знакомых, символических, священных местах мира и в самые исторически значимые моменты. Недаром его инструмент какой-то остряк прозвал стенобитным орудием.

Так было и в августе 91-го. С легкой журналистской руки те московские события были пафосно поименованы «революцией с лицом Ростропови-

ча». Он был искренен тогда, как, впрочем, и все мы, отдавшие романтичному порыву. А что так все выйдет потом — мог ли он знать? Мог ли тогда знать, что Свободная Россия останется только названием площади? Просто он оказался последовательнее и тверже других. Может быть, ему, одному из немногих, ведомо было, что свобода, в чем бы она ни заключалась, утрачивается обычно постепенно и незаметно.

При всем разнообразии сюжетов Ростропович остается верен магистральной теме своей жизни. Если только уместно назвать «темой» русское демократическое наследие, в чем бы оно ни было явлено — в музыке или в поступках, на филармонической сцене или на баррикадах.

Это наследие сейчас не в чести. Скорее — мишень для упражнений рыцарей изобличительства.

Формально он принадлежит к той странной прослойке людей, которая когда-то получила поощрительное, а сегодня ставшее, по сути, издевательским наименование «творческой интеллигенции». «Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» (по Далю) есть везде. Только в отечестве нашем не в «разумности» все-та-

ки главная ее примета. Скорее — в неразумности, в причудливом смешении напряженных исканий с внезапностью протеста, склонностью к мятежу и к смене взлетов корчами боли, безоглядным броском туда, где жарко и опасно. Ее корили «беспочвенностью», зачисляли в «безгосударственники». Она же, чередуясь поколениями, меняя кумиров и риторику, оставалась столь же спорной в отношении ее нужности стране и людям. Ныне — кому не лень — считают ее грехи и ви-

В количественном выражении существование таких людей укладывается в ритм детской считалочки. Что ж, как и многое другое, это надо пережить. Завтра их станет больше. Должно стать. Иначе жить невозможно. Вероятно, Ростропович с этим бы не согласился как последователь русской гуманистической традиции, которая предполагает не столько хорошее знание людей, цены им, сколько любви к ним.

Продолжая сюжет своей

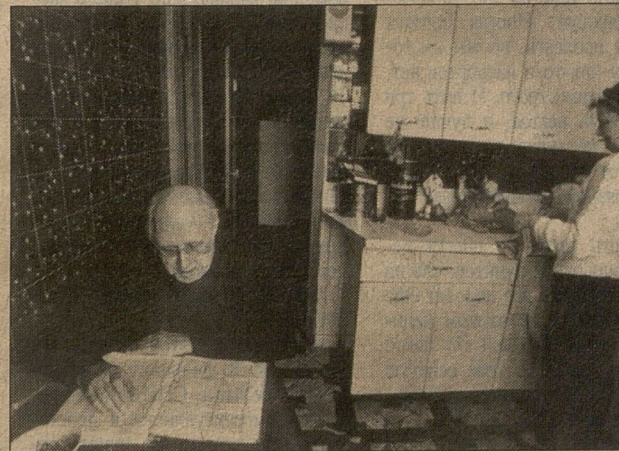

Фото Сергея ШАХИДЖАНА

ны. Пережившая пик своего влияния, сегодня она испытывает низинный холод самоутра-

ты. Ростропович не теряет власти над тем, чем всегда владел в совершенстве, — над звуком.